

— Самое главное — не оборачивайся. Веди себя так, как будто этот город принадлежит тебе. Представь, что за углом тебя ждет золотой «Ламборджини» и восемь человек личной охраны. Вообрази, что эти джинсы ты купила в Риме... Хотя нет, твоим джинсам даже богатая фантазия не поможет... Черт, как тебя вообще угораздило их надеть??? Да еще в такой день???

— Оль, перестань... Все равно ничего не получится. Посмотри, кто ОНИ и кто МЫ? Неужели ты не видишь разницы?

— Я тебя умоляю. Если мне нарастить волосы и сиськи, если сходить в солярий хотя бы десять раз и купить дорогое платье, я буду ничуть не хуже. Посмотри на ту деваху в красном! Она же похожа на Роузну Аткинсона в роли Мистера Бина, все лицо в кучку... А как вежливо разговаривает с ней охранник. Да если бы...

— Вот именно — если бы! Пойми, дело не в волосах и платьях. У этих людей было все с

самого рождения. Их воспитывали как принцев и принцесс, и это отпечаталось у них на лицах. По ним сразу видно, что их обожали, холили-лелеяли, отправляли учиться в Цюрих, отдыхать — в Рио, на день рождения им дарили не гель для душа, а брильянты, пони, кабриолеты! Они ходят к психоаналитику с четырнадцати лет. На них метка власти!.. Нет, Оль, я никуда не пойду.

Две девушки стояли на углу неприметной узкой улочки и бульвара, на который уже спустилась густая вуаль сиреневых московских сумерек. Обычные девчонки — лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Милые круглые личики, трогательный перебор с тенями для век, взволнованный румянец, блестящие от розовой помады губы. На одной было немного нелепое ярко-оранжевое платье и туфли на таких каблуках, что при желании с них можно было бы прыгнуть с парашютом. Другая была одета поскромнее — джинсы, простая футболка, бусы из крупного фальшивого жемчуга, которые и сами по себе выглядели пошловато, а на ней смотрелись и вовсе инородным элементом, не тянущим даже на китч.

Совсем недалеко, в пятидесяти шагах, возле неприметной железной двери одного из старых московских особняков гудела-волно-

валась разношерстная толпа. Там находился один из самых модных ночных клубов города — считалось, что о его существовании знают лишь избранные, поскольку ни вывески, ни других опознавательных знаков на доме не было. На самом деле Москва не умеет хранить секреты. Каждый уважающий себя второкурсник мясомолочного института отдал бы три здоровых зуба за возможность просочиться хотя бы в предбанник и поглазеть на завсегдатаев — эстрадных звезд и томных манекенщиц, разодетых светских дамочек и серых кардиналов большого бизнеса, золотую молодежь, виджеев MTV, красивых актрисуллек, лучших московских стриптизерш — в общем, всех тех, чья повседневность имела статус *dolce vita*.

Клуб «La-La» принадлежал двадцатилетнему Давиду Даеву, известному тусовщику, баловню судьбы, сыну одного из самых богатых банкиров России, полноправному хозяину неоновых-никотиновых московских ночей.

— Оль, может лучше в кино? — жалобно ныла девушка в фальшивом жемчуге.

— Нет уж, Нюра, — сжала губы ее более решительная подруга, — мы должны пройти это испытание до конца.

У девушки по имени Ольга был до того решительный вид, что толпа расступилась перед нею, как перед оscarоносной кинозвездой. Нюра в очередной раз удивилась врожденному умению подруги производить впечатление. Они дружили с самого детства, с первого класса, и всегда Ольга была местечковой королевой, а Нюра — ее верной тихой фрейлиной.

Охранник, мрачноватый тип с телосложением боксера-тяжеловеса, с профессиональной ловкостью преградил им путь. Казалось, он даже не взглянул в их сторону и все же неким мистическим шестым чувством учуял, что таким девушкам нечего делать в суперпафосном заведении вроде клуба «La-La».

Бойкая Оля пыталась спорить с ним на повышенных тонах (роковая, между прочим, ошибка, ибо истерика действует на столичных фейс-контрольщиков как двухтомник Блаватской на Пэрис Хилтон; они сразу понимают, что перед ним ягодки иного поля), а предприимчивая Нюра попыталась просунуть в его железную ладошку мятый полтинник (чем развеселила всю очередь).

И вот когда они, обиженно сторбившись, собрались уйти ни с чем, вдруг случилось чудо.

Возле клуба остановился «Порш Кайен» с леопардовым рисунком на дверцах и капоте,

из него вывалилась компания, которая своей колоритностью могла бы соперничать со статистами из клипа Мадонны Mr. DJ. Темноволосый молодой человек, с идеально правильными чертами лица (возможно, не обошлось без ринопластики и татуажа губ), приятно смуглой кожей, стильно триммингованной бородкой, в белоснежном фраке и потертых джинсах, и две девицы модельного вида с холеными телами, безупречными лицами и одинаковыми равнодушными взглядами. Гармония контраста: одна из красоток была темнокожей, с копной цыгански черных кудрей — рядом с ней Наоми Кемпбелл и Бейонсе показались бы поломойками-замарашками. Другая — бледная блондинка скандинавского типа. На обеих девицах были блестящие мини-платья и норковые шубки, несмотря на то что в городе хозяйничало пусть по-московски жиденькое, но все-таки лето.

— Посмотри на них, — невольно восхитилась Нюра. — Я даже не знала, что живые люди могут быть такими....

— Ты что, дура? — резко сказала Оля, так и не оправившаяся от унижения. — Это же сам Даев!

— Давид Даев? Господи, я его и не узнала, — неухоженная ручонка с обкусанными

ногтями взметнулась к груди. — В жизни он гораздо лучше, чем на фотографиях.

— А может, подойдем к нему? — предложила Оля, глядя, как кумир светских хроник с неторопливой грацией сытого кота пробирается сквозь толпу, поддерживая за талии свой ослепительный эскорт.

— Да он небось на таких, как мы, и не взглянет!

Эта невинная фраза подействовала на самолюбивую Олю как красная тряпка на быка. Она и сама не поняла, что произошло, — как будто бы из нее вырвалась другая Ольга, смелая и наглая, до этого терпеливо ожидавшая звездного выхода. У этой новой Ольги фанатично горели глаза и хищно раздувались ноздри, и была она до того прекрасна в своем спонтанном порыве, что Нюра даже отшатнулась — на мгновение ей показалось, что лучшая подруга превратилась в ведьму на ее глазах.

— Давид! — ее голос был громче и звонче других обращенных к нему голосов. — Давид, посмотри на меня! Я здесь! Возьми меня с собой.

Это казалось невероятным, но он остановился. Нахмурившись, нашел в толпе ее лицо. И его капризно сложенные губы тронула легкая улыбка. Он сделал знак охраннику, и тот

приподнял перед Ольгой бархатную ленточку.

Увязавшуюся за ними Ньюру беспардонно остановили. Райский вход закрылся, злобный цербер был хладнокровен и неподкупен.

— Но как же я... Я же с ней... — лепетала Ньюра, — это моя лучшая подруга... С самим Давидом Даевым... Она не может меня здесь оставить.

Словно в подтверждение этих слов из-за приоткрытой двери выглянула довольная Олина мордашка. Судя по ее томному виду и размазанной вокруг губ помаде, она только что целовалась.

— Ньюрочка, прости, он говорит, что ты не можешь войти...

— Что? Как это?

— Иди домой! — велела Ольга. — Ты же не очень-то и хотела сюда.

— Но как же... Мы же вместе...

— Ньюр, я ему понравилась. Он совсем не сноб, такой милый! Отправил куда-то своих моделек, все разговаривает со мной!

— Но прошло всего пять минут! Когда ты успела понять, что он милый?

— Все, мне пора... Завтра созвонимся!

Дверь захлопнулась.

Девушка в нелепых жемчужных бусах осталась на ночном бульваре одна.

— Не переживайте, — вдруг подал голос security, — ничего вашей подружке не светит. У него каждый вечер новая девушка. А иногда и не одна... Это же Давид Даев!

Что можно о нем сказать?

Давид Даев был богом, богом этого города, с недосягаемого Олимпа взирающим на суету, мельтешню и всеобщее болезненное желание казаться богаче и успешнее, чем есть на самом деле. Он был не из тех внезапно разбогатевших амбициозных детей безумных девяностых, которые еще вчера хранили накопления в старой наволочке, украшали наклейками «Street Racer» свои никудышные подержанные авто и за распитием друзьями «Клинского» пива мечтали о том, как когда-нибудь они будут рыбачить в Индийском океане, носить Ролекс и трахать девушек, клипы которых попали в ротацию Муз-ТВ. Он вырос в роскоши. Единственный сын миллиардера — поздний, долгожданный, — естественно, ему не отказывали ни в чем. Он не знал, что это такое — экономить, брать в долг, на что-то откладывать. Он не знал, что это — заработать свои первые деньги, купить на них что-нибудь самое-самое, заветное. Он не понимал, что одежда и обувь может быть

иной, не той, к которой он привык. У него не укладывалось в голове, что можно жить где-нибудь, кроме трехэтажного особняка с мраморными лестницами. Первый автомобиль — алый «Ferrari» — ему подарили на десятилетие. Деньги были для него чем-то вроде воздуха — пусть все любят рассуждать о плохой экологической ситуации, все равно воздух есть всегда. Первой девочке, которая ему понравилась (ему тогда было восемь лет, а ей — и того шесть), Давид подарил диадему с бриллиантами. Уже тогда у него была платиновая Visa с почти неограниченным лимитом — приставленные к нему охранники должны были только следить, чтобы он не купил оружие или наркотики (впрочем, уже в тринадцать лет он научился их обманывать). Когда Давиду было восемнадцать, отец открыл для него «La-La» — пора было покупать любимому сыну статус. Неожиданно он увлекся — впервые в жизни. Клуб стал знаменитым, и это была его единоличная заслуга.

Формально Давид Даев учился на экономическом факультете МГУ. На самом деле в университетских стенах его видели редко — слишком много времени отнимал клуб.

И девушки.

За двадцатилетнюю жизнь у него не было ни одной постоянной подружки. Не встрети-

лась ему даже та, с которой он провел бы неделю, не погуливая налево. Девушки, девушки... Блондинки, брюнетки, темнокожие, русские, англичанки, шведки, на две головы выше него, дюймовочки, продажные, бесплатные, дорогие и не очень, редкие красавицы и так себе, прожженные и наивные, молоденькие и опытные, легкомысленные и с серьезными намерениями, из лучших семей и с рабочих окраин. Сам он называл себя girl-addict. Почему-то его образ действовал на противоположный пол как безотказный афродизиак. Еще не родилась та, которую он не взялся бы соблазнить, и стопроцентный успех был ему гарантирован. А к серьезным отношениям, крепкой связи он и не стремился.

Успеется.

В конце концов, ему было всего двадцать лет, и его предопределенное будущее было простым и сладким, как сахарная вата.

Во всяком случае, так казалось самому Давиду Даеву.

* * *

А в приволжском городке Углич розовые рассветы и пахнет ванилью. По утрам на набережной особенно хорошо — продавцы матрешек, ушанок и часов с советской симво-

ликой еще не разложили свои палатки, иностранные туристы еще не осветили фото-вспышками купола главной достопримечательности города — храма на крови царевича Дмитрия, басовито гудящие белоснежные трехпалубные корабли еще не причалили к заросшей сиренью пристани. И только похмельный дворник дядя Валера, по странному стечению обстоятельств похожий на голливудского актера Николаса Кейджа, со свойственным всем хроническим выпивохам меланхолией сметает брошенные кем-то фантики огромной косматой метлой.

Настя Прялкина с самого детства любила раннее утро. Золотые летние рассветы, до краев наполненные птичьим гомоном. И осенние серые, когда влажный асфальт хрустит едва заметной корочкой тончайшего льда. Зимние рассветы похожи на ночь — не отличишь. А весенние так остро пахнут свежей землей, что почему-то хочется закрыть глаза и плакать.

С трудом разлепить веки, ополоснуть лицо ледяной водой из ковшика, опрокинуть чашку сладкого обжигающего кофе и выйти в еще не проснувшийся город.

Парадокс: большую часть жизни Настя Прялкина прожила здесь, в Угличе, но все равно для местных она навсегда останется чу-

жой. Ее называли фифой, выпендренницей, понтырщицей, на асфальте возле ее дома писали: «Катись в свою Москву, а то хуже будет!» Одноклассники высмеивали ее «ма-асковский» акцент, у нее так и не появилось школьных подруг. Она чувствовала себя инопланетянкой, застрявшей между двух враждебных галактик.

Москва для Насти ассоциировалась с пропахшей борщами и домашним хлебом квартиры, бабушкиным голосом, громким и властным, застиранным байковым халатом, некогда темно-синим, с большими сочными розами и штопкой на кармашке. Халат Настя помнила отчетливо, бабушку — нет. Словно в Настиной памяти бабушкино лицо кто-то ластиком стер. В Москве она тоже ходила в школу — первый класс и половину второго. Кажется, у нее были друзья во дворе, кажется, она, как и все остальные, вырезала из бумаги кукол, играла в вышибалы и коллекционировала конфетные фантики.

Зато Настя отчетливо помнила тот день, когда они переехали в Углич. Грузеная «Газель» долго тряслась по проселочным дорогам, Настю укачивало, подташнивало, мама гладила ее по волосам и скармливала ей «Театральные» карамельки. «Газель» остановилась перед темным бревенчатым домом, слег-

ка покосившимся на один бок, и мама сказала, что здесь они теперь будут жить. Насте дом сразу не понравился, от него исходила какая-то мрачная опасность. Перед домом был заросший крапивой палисадник, прогнившее крыльцо недовольно скрипело, в сенях пахло плесенью, окна были засижены мухами.

— А мы не можем вернуться? — с надеждой спросила Настя.

— Нет, — мама почему-то рассмеялась, а потом погладила ее по голове, — ты привыкнешь. Вот увидишь, здесь гораздо лучше, чем в Москве. Здесь я себя человеком чувствую.

Настина мама была художницей не от мира сего. У нее были длинные волосы цвета спелой пшеницы, маленькое бледное личико, на котором зияющими пропастями смотрелись серьезные темные глаза. Она всегда выглядела гораздо моложе своих лет, хотя специально для этого не старалась. Она носила хламиды ручной работы, какие-то странные цветастые рубахи, широкие льняные юбки, военные штаны, берестяной ободок на лбу. На улице на нее показывали пальцем и еще долго смотрели ей вслед. Соседки называли ее блаженной и, сплетничая о ней, выразительно крутили пальцем у виска.

В Москве мама почти окончила архитек-

турный институт — с предпоследнего курса ее отчислили, поймав в туалете с косячком. Она не работала ни одного дня в своей жизни.

Настина мама рисовала кошек с человеческими мудрыми глазами. Рисовала штормовое море и белые корабли. Станных людей с прозрачными тонкими руками. Недобро усмехающихся ангелов с пошлыми кудряшками. Какие-то абстрактные цветные кляксы — смотришь на это месиво, и отчего-то на душе становится тревожно. Находились люди, которые считали ее гениальной. Дважды маме устраивали персональную выставку, о ней даже писали газеты, но широкой известности ей это не принесло. Однажды она отправилась в деревню к какой-то своей богемной подруге, и там, в покосившейся избушке на окраине глухого северного леса, на нее снизошло озарение. Она не ложилась спать трое суток — писала картины день и ночь. А вернувшись в город, решила, что отныне ей не место в Москве. Насте запомнилось, как орала на нее бабушка:

— Ты о ребенке подумай! Что она будет делать в глуши? Какое ее ждет будущее?!

— У ребенка будет парное молоко и свежий воздух. В глуши тоже есть школы, это только такие обыватели, как ты, считают, что

жизнь заканчивается за пределами их квартиры, — спокойно отвечала мама.

— Не позволю! — заводилась бабушка. — Спрячу паспорт! Лягу на пороге!

В тот же год бабушка умерла — сердечная недостаточность. Мама продала квартиры — и роскошную, бабушкину, на Тверской, и крошечную, в Бутово, где они жили. Большую часть денег она пожертвовала на строительство какого-то храма. Так ей тогда казалось правильным. Упаковала вещи, наняла «Газель» и перевезла восьмилетнюю Настю в старенький бревенчатый дом на окраине приволжского городка Углич. Дом отремонтировали, палисадник привели в порядок, Настю записали в школу, мама завела коз и кур. Новая жизнь была размеренной и неторопливой. Постепенно Настя к ней привыкла. Привыкла — но полюбить так и не сумела.

Хотя темный дом перестал казаться неприглядным и страшным, она научилась справляться с вынужденным одиночеством и как-то незаметно для себя самой забыла Москву, старых подружек, бабушку. Наверное, этот провал в памяти был своеобразной защитной реакцией, прививкой от депрессии.

Настя работала поваром-кондитером в небольшой кафешке на набережной. С шестнадцати лет. Никакого специального образова-

ния у нее не было — просто с самого детства она обладала особенным даром, чутьем еды. Свой первый торт она испекла, когда ей было десять. А через год ее мать уже и не думала подходить к газовой плитке, переложив все кулинарные обязанности на Настю, а себе оставив лишь варку крепкого кофе, к которому она питала болезненную страсть.

В целом Настю ее жизнь вполне устраивала. Тихий город, на который словно наложили сонное заклятье, и теперь он окутан аурой засахаренной розовой дремы. Кастрюльки с тестом, которому ее ловкие руки могут придать любую причудливую форму. От мамы пахнет краской и растворителем, печь всегда гостеприимно тепла, в саду растет ежевика, намечается яблочный год, сын соседки опять напился и пытался зажать ее в темном уголке, а Настя отбивалась, смеясь, а потом запиралась в доме, а он беспомощно матерился под ее окном. Пароходные гудки, возбужденные иностранцы, которые после осмотра достопримечательностей непременно заглядывали в кафе, чтобы повысить свой уровень холестерина с помощью ее пирожных.

Но иногда так тоскливо ей становилось, так беспричинно грустно. Как будто бы приходил кто-то невидимый и выключал ее внутренний свет. Она выходила на набережную,

долго смотрела на Волгу, опершись локтями на каменный парапет, и думала о том, что эта сонная будничность медленно зачеркивает отведенные ей дни. Она всегда, всю жизнь, будет спать в стареньком доме на печи, прятаться от соседкиного сына, печь пирожки и мечтательно смотреть на равнодушную реку. И никаких перспектив.

А ведь ей всего двадцать.

* * *

В VIP-зале ночного клуба «La-La» не было никого, кроме них двоих.

Давид склонил побледневшее под солярийным загаром лицо над жирной кокаиновой дорожкой. Зажав указательным пальцем правую ноздрю, левой втянул драгоценную едкую пыль. В носу защипало, заледенели десны, онемело горло. А через несколько минут по всему телу полноводной рекою разлилось приятное тепло, и усталость подобострастно уступила место беспричинному веселью. Давид усмехнулся в никуда, откинулся на спинку кресла, потянул, разминая, руки.

Напротив него, на низком плюшевом пуфе сидел бармен клуба «La-La» по имени Поль. У него было широкое лицо типичного жителя северной России, редкие светлые во-

лосы, серые глаза чуть навывкате, и, судя по всему, был он никаким не Полем, а банальным Пашей. Но он с таким немым обожанием смотрел на Давида, и так истово напрашивался ему в друзья, и таким холопским мелким смехом хохотал над его даже неудачными шутками, и потратил, наверное, большую часть своей зарплаты, чтобы подарить ему кокаин, что Давид, сжалившись, решил ему подыграть.

А Паша-Поль весь извертелся, пытаясь его заинтересовать. Похоже, он искренне верил, что между ними может расцвести искренняя мужская дружба.

— Знаешь телочку из группы «Рок и Поп»? — заглядывая Давиду в глаза, спросил он.

— Беленькую или темненькую? — лениво уточнил Давид.

— Я с обеими знаком, — важно надул щеки Поль. — Когда-то в одном модельном агентстве работали.

Давид поперхнулся, но ничего не сказал. У Поля было прыщавое лицо, мелкие глазки и узкие змеиные губы. Представить его в роли модели было невозможно даже в кокаиновом угаре.

— Между прочим, они одно время у меня перекантовывались. Пока еще были неизвест-

ными. Они же немосквички. А я им пожить бесплатно предложил.

— Бесплатно? — приподнял бровь Давид.

— Вообще я рассчитывал на плату, — усмехнулся Поль, — но эти сучки меня продали. А в конце концов вообще съехали без предупреждения. Прихожу — а их шмоток нет, и только на столе записка.

— Ну и зачем ты мне это рассказываешь?

— Затем, что мы до сих пор перезваниваемся. И они могут приехать по первому звонку, если я скажу... Ну, ты понимаешь... Что это для тебя.

— Ты правда можешь их пригласить? Прямо сейчас? — устало спросил Давид.

Девочки из группы «Рок и Поп» были очень даже ничего, их первый сингл стал хитом, а клип крутился в прайм-тайм по всем музыкальным каналам. Смешливая блондинка с озорно вздернутым носом и роскошным минетным ртом, похожая на омоложенную версию Памелы Андерсон. И знойная брюнетка с густой челкой и наглыми зелеными глазами, смуглая, плавная, с низким голосом и зовущим взглядом.

— Не вопрос, — лениво улыбнулся Поль, — я тоже не прочь поразвлечься. Но право выбора, конечно, за тобой. Ты будешь беленькую или черненькую?

Давид посмотрел на него внимательнее. Что за деревенщина. Как он сказал — поразвлекаться? Как прилизанный второстепенный персонаж из бездарного гангстерского фильма. Патологическая глупость и непродуманная наглость в одном флаконе.

— Мне обеих, Паша, — невозмутимо улыбнулся он. — Я хочу обеих.

Брюнетку звали Лизой, блондинку — Танюшкой, и обе они приехали из Волгограда. Там и познакомились — обе были звездами местного модельного агентства. Блондинка Танюшка была на два года младше, но именно она впервые подала идею перебраться в Москву.

— Что нам здесь светит, сама подумай? Поучаствуем в очередном показе местного дарования? Получим двадцать баксов за рекламную акцию в супермаркете? В Москве — возможности, деньги, настоящая работа!

— Думаешь, там мало таких борзых? — Лиза глубоко затягивалась вишневой сигариллой, красивые ровные колечки ароматного дыма выплывали из полных накрашенных губ.

Лиза была такой эффектной, что дух захватывало. Ни дать ни взять итальянская ки-

нозвезда — с осиной талией, но пышногрудая, с гладкой смуглой кожей, сквозь которую проступал нежный розовый румянец, с шелковой копной гладких, тяжелых волос, с кошачьим разрезом глаз и природной плавностью движений. Танечка ей немного завидовала. Ее собственная красота была, конечно, безусловной, но не такой эксклюзивной, как у подруги. Таких, как Танюшка, миллионы, на них, конечно, пускают слюни мужчины, с ними кокетничают, их с удовольствием зажимают по углам и приглашают на бокал шампанского, с ними спят, на них даже женятся, но... но они редко, очень редко становятся звездами. А больше всего на свете Танюшка мечтала стать звездой, тщеславие ее было беспредельным, как сама Вселенная. Едва увидев Лизу в офисе модельного агентства, она почему-то сразу решила, что надо держаться этой меланхоличной красавицы. Ее яркая внешность вкупе со спокойным характером и патологическим отсутствием амбиций могли бы стать Таниным пропуском в VIP-мир.

— Да, там много хорошеньких девушек, но мы-то с тобой, мы-то ничем не хуже! — горячо убеждала Танечка. — А значит, у нас точно такой же шанс.

— Хорошо, допустим, мы приедем. И где мы будем жить? И главное — на что? В Моск-

ве получить работу модели гораздо сложнее, чем здесь.

— Положись на меня, — заговорщицки подмигнула Танюшка, — я уверена, не пройдет и одного дня, как мы найдем какого-нибудь безобидного лоха, который и поселит нас к себе, и денег даст.

Танечка оказалась права. В первый же московский вечер, в первом же баре они познакомились с трогательно прыщавым щуплым типом в пестрой футболке Москино, который называл себя Полем. Он выглядел и вел себя как классический девственник: краснел, потел, с трудом подбирал слова, пытался шутить, срывался на фальцет. Казалось, он не мог поверить своему счастью — им заинтересовались две такие девушки! Его ищущий взгляд останавливался то на блестящих Танюшиных губах, то на пышном Лизиним бюсте. Естественно, когда Таня ненароком обмолвилась, что они еще не забронировали гостиницу, Поль пригласил их к себе. Он жил в пропахшей быстросрастворимой лапшой и грязными носками однушке на самой окраине города.

— Какой ужас, — едва слышно шепнула Лиза. — Мы не можем здесь жить.

— Это ненадолго, — так же тихо ответила Танюшка. — Мы уберемся отсюда при пер-

вой же возможности. А сейчас у нас нет выбора.

Они прожили у прыщавого Поля полтора месяца, и все это время Танечка умело держала его на минимально возможном расстоянии, а он искренне верил, что хорошенькая блондиночка и невероятно красивая брюнетка желают его так же сильно, как и он их, но обстоятельства, черт бы их побрал...

Тем временем девушки зря времени не теряли. Хрупкая Таня, как бульдозер, шла на таран. Обзвонила все кастинг-центры, умудрилась организовать встречи со всеми более-менее заметными продюсерами. Видимо, в ней погиб великий менеджер, потому что своего она все-таки добилась.

Ровно через полтора месяца их московской жизни на свет появилась новая девичья группа «Рок и Поп». Их первый клип вовсю крутился на музыкальных каналах, иногда их приглашали участвовать в сборных концертах, но до настоящей популярности было ох как далеко.

Телефонный звонок Поля застал ее в ванной. Танюша принимала «ванну Афродиты» — это когда капризная красавица растворяет в хлорированной водичке несколько па-

кетов сухого молока и верит, что эта нехитрая процедура приблизит ее красоты к каноническим стандартам. На прикрытых Танечкиных веках лежали прохладные огуречные дольки, кожу ее покрывал толстый слой темно-бурой массы, которая, несмотря на исходивший от нее отвратительный аромат рыбного рынка, стоила двести долларов за крошечную баночку.

Танюша любила ухаживать за собой. Никто не догадывался, что ей уже двадцать восемь лет — для ее профессии практически старость. Белокурая, смешливая, ясноглазая и белозубая, она выглядела как невинная и неопытная первокурсница.

— Дело есть, — услышала она голос давнего знакомого. — Можешь срочно приехать в «La-La»? Вместе с Лизкой?

— Я занята, — лениво протянула она. — А Лизка на уроке вокала. Голос шлифует. Как будто бы в опере петь собирается. А нам все равно без фанеры петь никогда не дадут.

— И правильно сделают, — рассмеялся Поль, вспомнив, как противно Танечка подвывает на верхних нотах. — Здесь один человек хочет с тобой познакомиться.

Она задумчиво помолчала. За несколько лет выживания на задворках московского шоу-бизнеса она усвоила способ, которым де-

вица вроде нее легко может заработать на новые сапоги. В рейтинге столичной красоты не последнее место занимала смазливая девчонка, чьи песни скачивают на свои мобильники малолетки. Пока ты не звезда, много зарабатывать пением не представляется возможным. Продюсер ворчал, что пока от них одни расходы. Хорошо еще, что одеждой обеспечивал, оплатил абонемент в салон красоты и каждый месяц выдавал немного наличных. Принципиальная Лиза еще как-то умудрялась сводить концы с концами, но у Танюши были запросы выше и характер авантюрнее. «Это не проституция», — говорила она себе самой. Все этим занимаются — в той или иной форме. Это даже считается в некотором роде престижным. А ее клиенты боятся огласки еще больше, чем она сама, так что разоблачение ей не грозит. Ну а даже если кто-нибудь узнал бы — это добавит в ее образ перчинку порока. Скандал поднимет ее гонорарную ставку и из периферийной звездочки сделает ее той-о-которой-сплетничают-в-метро.

— Что за человек?.. Я вообще ванну принимаю.

— Тебе понравится, — с усмешкой пообещал Поль. — Так что ноги в руки, крась ресницы, лови тачку и дуй сюда.

— Вообще-то деньги мне сейчас не поме-